

К ВОПРОСУ О СЧАСТЬЕ В ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Рогожа М.М.

Доктор философских наук

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

ON THE ISSUE OF HAPPINESS IN LIQUID MODERNITY

Summary

The paper deals with happiness as a notion of moral consciousness in two different socio-cultural contexts. Aristotle represented the conception of happiness as the final good. Contemporary awareness of happiness is specified by hedonism as a way of life, the force of luck with an accent of its contingency, and the direction on success with well-defined note 'to use a chance'.

Солидный юбилей почтенного профессора – хороший повод поговорить о счастье, этой наивысшей цели человеческой жизни, как ее называли древние, сравнив ее с современными ориентациями на счастье.

Книга первая «Никомаховой этики» Аристотеля открывается рассуждениями о благе как цели, к которой все стремятся. Различая блага, к которым стремятся как к средствам достижения других благ, и блага, к которым стремятся ради них самих, Аристотель за последними закрепляет статус цели, желанной самой по себе, ради которой достигаются все остальные цели, и потому называет ее совершенной, конечной целью или высшим благом. Он указывает, что рядовые граждане и люди утонченные сходятся на том, что высшее благо – это счастье, а благоденствие и благополучие – это состояния, характеризующие целостную счастливую жизнь [1, с. 56, 60].

Аристотель подчеркивает деятельностный характер счастья: это не обладание добродетелью, а ее постоянная практика на протяжении всей жизни. Он скрупулезно исследует, нужны ли для счастья внешние блага и благоприятные обстоятельства, и, отмечая их необходимость, приходит к выводу, что счастлив тот, кто живет сообразно добродетели, умело перенося превратности судьбы и совершая достойные, правильные поступки. Счастливые не лишаются от случайных неудач, и только великие и многочисленные несчастья не дают возможности назвать жизнь добродетельного человека блаженной и благополучной.

Концепция Аристотеля позволяет рельефно показать различия в представлениях о счастье его сограждан, образованных афинян, позицию которых он, по словам А. Макинтайра, выразил в своей книге, и наших современников: «Аристотель не считает себя изобретателем объяснения добродетелей, но полагает, что он формулирует взгляд, неявно присутствующий в мысли, словах и действиях образованных афинян» [4, с. 201].

Следует отметить, что при всей важности, эта проблематика не становилась предметом специального внимания философов. Они высказывались по ней при случае или при решении смежных задач. Проблеме счастья посвятил целую книгу «О счастье и совершенстве человека» В. Татаркевич. Татаркевич считает, что его работа – чуть ли не единственная за всю историю западной философии, охватывающая весь комплекс вопросов по проблемам счастья. Исследуя представленные в философско-моралистической литературе значения понятия «счастье», он выделяет четыре основных: счастье как удача; счастье как большая радость; счастье как эвдемония; счастье как удовлетворенность жизнью [5, с. 32–39]. Рассмотрим детальнее эти значения и, соответственно, виды счастья, которые за ними стоят. Подмеченные Татаркевичем детали позволят далее более полно представить современную ориентированность на счастье.

Первое значение – счастье как удача, везение, счастливый случай – зависит от внешних условий и обстоятельств. Татаркевич связывает этот вид счастья исключительно с житейскими делами и указывает на его античные корни, хотя Аристотель осторожно оговаривает необходимость внешних благ в квалификации жизни как счастливой, подчеркивая ее деятельностный характер.

Второе значение – счастье как большая радость – связано с психологическим фактором. Это переживание интенсивной радости, упоения. Указывая на мимолетность этого психологического состояния, Татаркевич отмечает, что интенсивная радость всегда быстротечна, ее удельный вес слишком мал для формирования смысложизненных установок.

Третье значение – счастье как эвдемония – у Татаркевича ограничено философским содержанием и означает высшее благо, доступное человеку, высоту достигнутых благ. При этом

упускается весь тот комплекс смыслов деятельного отношения к жизни, практики добродетелей на протяжении всей жизни и удовольствие от такой жизни, о чем прямо заявляет Аристотель.

Четвертое значение – счастье как удовлетворенность жизнью – представляет собой систему психологических состояний, моральных качеств и материальных благ, обладание которыми дает человеку прочувствовать насыщенность жизни и позволяет ощутить глубокое удовлетворение от нее. С одной стороны, составляющие счастья здесь представляют собой собранные воедино три предыдущие вида счастья в той мере, в которой они дают возможность человеку прочувствовать полноту бытия. С другой стороны, Татаркевич подчеркивает субъективный характер удовлетворенности жизнью, считает ее субъективной моральной реакцией. Такое понимание счастья чуждо Аристотелю, для которого добродетельная жизнь имела объективный характер, суждения о счастье выносились человеком и окружающими, исходя из собственного образа жизни.

По Татаркевичу, именно четвертое значение наиболее полно отражает современные ему представления о счастье. Однако ценностные сдвиги, произошедшие за сорок лет после публикации его книги, задают критерии счастья, отличающиеся не только от аристотелевских, но и от обозначенных Татаркевичем.

З. Бауман назвал «текучесть» главной метафорой эпохи [2]. Изменчивость, неуловимость, нестабильность форм современности наиболее отчетливо проявляются в экономике, переориентированной с производства на обслуживание и пропагандирующей потребительский образ жизни, в публичной сфере, ориентированной на развлечение публики и рекламу потребительского образа жизни.

Текущая современность пропагандирует гедонистический образ жизни, ориентированный на максимально возможное и наиболее полное удовлетворение потребностей и получение удовольствий. Гедонизм как поведенческий императив транслируется в медийном пространстве, задавая стандарт такого образа жизни для широких масс, в котором все подчинено получению и переживанию удовольствий. Этим, собственно, и отличается современная гедонистическая установка от вообще свойственной человеку склонности к удовольствиям. Однако в текущей современности удовлетворенность жизнью не может быть состоянием, длящимся большой промежуток времени, поскольку переживание удовольствия, сопровождающее удовлетворение потребности, ограничено временем, пока желание не переключается на новый объект. Счастье – это насыщенность жизни, полнота бытия в мгновение, когда человека переполняют позитивные чувства, когда он испытывает интенсивную радость, упоение.

Среди факторов счастья в современную эпоху следует назвать удачу. Удача – такое не зависящее от человека действие внешних сил или стечение обстоятельств, которые имеют для него благоприятный результат или последствия. На удачу невозможно воздействовать, призывать ее или контролировать, равно как и приписать себе заслугу за сложившиеся удачно дела. В этической литературе последнего времени много пишут о моральной удаче. Такого рода проблематика охватывает вопросы ответственности субъекта за действия, над которыми он не властен, и проконтролировать которые не может, а также возможности их моральной оценки. В данном случае речь идет об удаче как морально нейтральном понятии, но компоненте счастья. Сегодня активно пропагандируется установка, согласно которой власть, богатство, слава преимущественно зависят от случайных обстоятельств, являются удачей, стечением обстоятельств, и для человека в жизни крайне важно «поймать шанс», чтобы быть счастливым. Поэтому в разных сферах общественной жизнедеятельности получили широкое распространение лотереи, тотализаторы, стал популярным случайный выбор участников шоу, победителей конкурсов. В медийном пространстве распространяются истории о знаменитостях и рядовых гражданах, использовавших свой шанс, получивших свою минуту славы, а значит и счастья.

Роль случайности в судьбе человека повышается за счет настойчивости, усердия, трудолюбия, устремленности к поставленной цели, вытесняемых из спектра общественно значимых ценностей. Это выразительно проявляется в современной трансформации установки на успех как одной из ключевых в эпоху Модерна. Энергичность, целеустремленность, ориентированность на достижения – этот дух капитализма в свое время породил установку на успех, в котором взаимосвязаны индивидуальные и социальные составляющие. Успех – это ретроспективная оценка совершенного субъектом действия, в котором продемонстрированы достижение определенных целей или максимальное приближение к ним. Цели ставятся и достигаются в социальном пространстве, где другие субъекты движутся в аналогичном режиме. Поэтому человек с необходимостью соотносит свои цели, усилия, результаты с целями, усилиями, результатами окружающих, и его первенство или превосходство по этим показателям получают

общественное признание. В своем исследовании «Протестантская этика и дух капитализма» (1904 г.) М. Вебер убедительно показывает взаимосвязь установки на успех и религиозных убеждений протестантов, наиболее активных экономически и политически акторов общества Модерна [3]. Именно ценностно-нормативная составляющая протестантизма, так называемая «протестантская этика», через популяризацию идей признания, предопределения (и рационализации жизни) задавала установку на успех, ориентированный на достижения.

Процессы секуляризации начались также в эпоху Модерна, и сам протестантизм во многом способствовал их продвижению – этическая регуляция спускалась с небес на землю, пусть и освященная религиозными убеждениями. Текущая современность расставила свои акценты в установке на успех. С одной стороны, она признала необязательность религиозной легитимации уже ставшей светской ценности успеха. В то же время вымываемые из общественно значимых ценности настойчивости, усердия, трудолюбия оставляют успех этически нейтральным понятием, что, в свою очередь, ориентирует индивида на результативность, соревновательность, признанность без этически санкционирующей поддержки. С другой стороны, изначально успех – это сознательные усилия человека, направленные на самореализацию, активацию его способностей и талантов, т.е. тенденция, прямо противоположная рассмотренной ранее удаче. В условиях текучей современности успех все более переориентируется на установку «поймать шанс», использовать предоставленные возможности. Речь идет о том, что ориентация на успех становится этически нейтральной и взаимосвязанной с удачей.

Установки на удачу и успех хотя и задаются человеку извне, из публичного пространства, однако их необходимо интериоризировать, принять, осознать, претворить в жизнь и прочувствовать. Отсутствие или недостаток любой из составляющих интериоризации блокируют саму возможность счастья. Тот, кто не осознал удачу или успех, не оценит обладание ими, посчитает их маловажными или совсем не имеющими ценности. Кто упустил шанс или пограл успех и осознал это, не в состоянии чувствовать себя счастливым.

Таким образом, современная ориентированность человека на счастье задается гедонизмом как образом жизни, фактором удачи с акцентуацией случайности «пойманного шанса» и установкой на успех с отчетливо выраженной нотой использования случая.

Литература

1. **Аристотель.** Никомахова этика /Пер.Н.Брагинской // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.4./ Общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 53–293.
2. **Бауман З.** Текучая современность/ Пер. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. **Вебер М.** Протестантська етика і дух капіталізму /Пер. О.Погорілий.К.: Основи, 1994. 261 с.
4. **Макинтайр А.** После добродетели: Исследования теории морали/ Пер. В. В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.
5. **Татаркевич В.** О счастье и совершенстве человека /Пер. Л. В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1981. 368 с.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Соколова С.Н.

Доктор философских наук, доцент,

Соколова А.А.

Магистр психологических наук

Университет гражданской защиты МЧС Республики Беларусь,

г. Минск, Республика Беларусь

ANTHROPOLOGICAL CRISIS IN THE INFORMATION SOCIETY

Summary

In the article the authors pay special attention to current issues related to modern anthropological crisis in the information society. In the modern era of transhumanism the problems of further development of civilization must be analyzed in context of the evolution of social institutions and safety culture.